

Иван САФРАНЧУК

Доцент кафедры мировых политических процессов
МГИМО (У) МИД России, член Совета по внешней
и оборонной политике (СВОП), кандидат политических наук
and6958@yandex.ru

Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии

На глобальном уровне США и Китай к началу XXI века вошли в отношения стратегической экономической взаимозависимости. Одновременно в их отношениях присутствовали элементы военно-политического соперничества. Китайская дипломатия избегала прямого столкновения с США на мировой арене¹. Но это можно было трактовать как стремление выиграть время для наращивания военной мощи (в рамках политики Дэн Сяопина «таогуан янхуэй» - держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя). Многие действия Китая, такие как увеличение военного бюджета, военная модернизация, доступ к ресурсам за пределами своей территории и т. д., понимались экспертами именно как действия в этом направлении.

США, в свою очередь, сформировали курс на региональное сдерживание Китая, в рамках которого строили партнерские отношения со всеми его соседями. Помогало американской политике то, что в странах, непосредственно соседствующих с Китаем и расположен-

ных в близлежащих регионах, распространены опасения по поводу растущей экономической и военно-политической мощи КНР (особенно в связи с территориальными спорами, которые имеют с Китаем многие соседи). Такие страны, как Вьетнам, Южная Корея, Филиппины, Япония, Индия, настроены на более тесное политическое и военное сотрудничество с США, рассчитывая тем самым сдерживать Китай от региональной экспансии. Эту американскую линию на региональное сдерживание в самом Пекине эксперты называли «стратегическим окружением Китая».

Инициирование Соединенными Штатами в 2005 году стратегического диалога с Китаем сначала не выглядело как отход от таких базовых позиций сторон. Однако администрация Б.Обамы усилила неконфронтационную линию в отношениях с Китаем. В 2009 году со стороны близких к администрации американских экспертов была выдвинута идея «Большая двойка». Ху Цзиньтао уклонился от ее принятия. Это можно было понимать как продолжение прежней линии Китая: избегать излишней конфронтации с США при одновременном признании глубоких противоречий между двумя странами, которые не позволяют им сформировать глобальное партнерство (в китайских терминах - «совместное управление»). Однако экспертные дискуссии в Китае по поводу модели отношений с США продолжались.

Эти дискуссии получили дополнительное развитие в преддверии, а затем и по итогам визита Си Цзиньпина в США в июне 2013 года, который в основном позитивно комментировался в Пекине и Вашингтоне. После этого визита в экспертных кругах Китая получила новое развитие тема «Большая двойка». Руководители внешнеполитических ведомств Китая и США опровергали переговоры о «Большой двойке» и вообще присутствие этой темы в официальной повестке дня двух стран. И тем не менее характер дискуссии по этому вопросу в Китае позволяет заключить, что Китай, как минимум, искал в первый год пребывания Си Цзиньпина на посту Председателя КНР некую обновленную модель взаимоотношений с США². В рамках тех дискуссий в Китае достаточно отчетливо проявилась линия части экспертного сообщества на диалог с США вплоть до согласования интересов и координации действий. При этом китайские эксперты были прежде всего заинтересованы в создании такого взаимодействия по проблемам АТР.

События 2013-2014 годов на первый взгляд свидетельствуют о том, что попытки наладить такое взаимодействие провалились. В эти годы имел место ряд политических конфликтов Китая с соседними государ-

ствами, в которых присутствовал военный элемент в виде демонстрации силы, - с Японией, Филиппинами, Вьетнамом, в менее отрывтой форме - с Индией. Во всех этих региональных кризисных ситуациях США оказали открытую поддержку соперникам Китая. Таким образом, США явно продолжали курс на региональное сдерживание КНР, предотвращая расширение его политического влияния.

Однако в курсе «стратегического окружения» появилось два исключения - Пакистан и Центральная Азия. В случае с Пакистаном можно принять аргумент, что США вынуждены допустить там расширение китайского влияния, поскольку на протяжении всего срока президентства Б.Обамы (особенно после 2011 г.) американо-пакистанские отношения находятся в кризисе. В этих условиях отношения Пакистана с Китаем объективно развиваются, тем более что у них своя положительная история последних десятилетий. То есть исключение из политики окружения Китая в части Пакистана можно объяснить (хотя и не обязательно, что это объяснение правильное) объективными обстоятельствами, которые не дают США возможности эффективно ограничивать Китай на пакистанском направлении.

Но в случае с Центральной Азией картина выглядит более сложно. После того как Си Цзиньпин в сентябре 2013 года выдвинул инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП)³, логично было ожидать от США - в рамках проводимой ими линии на региональное сдерживание КНР - той или иной степени противодействия китайским планам. Инициативу ЭПШП легко можно обрисовать в терминах экономической и политической экспансии, представляя ее тем самым как угрозу суверенитету стран Центральной Азии. В самом Китае ЭПШП объясняли на экспертном уровне не только как экономический проект, но и как прорыв «стратегического окружения» на западном направлении, то есть как срыв американского курса на региональное сдерживание Китая. Казалось, США должны были что-то противопоставить этому «прорыву».

Осенью 2013 года в Вашингтоне прошел первый раунд экспертного обсуждения ЭПШП. В ходе тех дискуссий звучали в том числе и негативные, алармистские оценки китайской инициативы. Но в результате официальные лица и большинство американских экспертов заняли в отношении ЭПШП сдержанно позитивную позицию, назовем ее «заинтересованным нейтралитетом».

В следующем году эта позиция эволюционировала в сторону нейтралитета все более и более положительного. В течение 2014 года в

США доминирующими стали представления о том, что Китай может сыграть позитивную роль в развитии Центральной Азии за счет масштабных инвестиций в инфраструктуру. Изменение в положительную сторону системы взглядов и аргументов о роли Китая в Центрально-Азиатском регионе происходило очень быстро. И эта новая система взглядов явно противоречила представлениям об угрозе китайского влияния в регионе Центральной Азии, которые доминировали в предыдущие десять лет и в рамках которых даже ШОС многими западными экспертами трактовалась как «китайская организация» (в негативной коннотации).

К настоящему времени дрейф в сторону все более позитивного восприятия политики Китая в Центральной Азии дошел до публичной поддержки американскими чиновниками китайской политики в регионе в целом и ЭПШП в частности. 31 марта этого года заместитель госсекретаря Э.Блинкен представил новую политику США в отношении Центральной Азии⁴. Э.Блинкен повторил основные положения, которые определяли интерес США к региону в прошлом, - безопасность и борьба с терроризмом/экстремизмом, экономическое сотрудничество, демократизация и права человека. По всей видимости, главная цель этих повторений состояла в том, чтобы донести общий тезис: несмотря на сокращение вовлеченности США в Афганистане, Вашингтон сохраняет интерес к Центральной Азии.

Но заметной частью выступления Э.Блинкена стало описание положительной роли Китая в Центральной Азии и проекта ЭПШП. Китайский ЭПШП упоминался в выступлении заместителя госсекретаря чаще, чем американский проект «Новый шелковый путь» (НШП), на который Э.Блинкен сослался лишь один раз, но который остается официальным видением американской политики для Центральной Азии⁵. Э.Блинкен заявил, что ЭПШП (и вообще политика Китая в ЦА) «полностью стыкуется» (fully complementary) с американской политикой в регионе. Более того, Э.Блинкен высказался за координацию действий США и Китая в Центральной Азии.

Позитивные оценки китайской политики в регионе были особенно заметны на фоне того, что Э.Блинкен резко отрицательно охарактеризовал роль России в Центральной Азии, заявив, что Россия представляет опасность для региона и в регионе это очень хорошо понимают. Общий контекст получался таким, что роль России в регионе в силу исторических причин сохраняется, но она отрицательная, а роль Китая растет и она положительная.

Впрочем, Э.Блинкен акцентировал тезис, что американская политика поддержки китайских проектов в Центральной Азии обусловлена тем, как именно Китай будет их осуществлять. Он несколько раз повторил: «Важно не только то, что Китай делает, но и как».

Также в позитивных тонах говорил о роли Китая в регионе заместитель помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Р.Хоугланд. Выступая 30 марта в Джорджтаунском университете, он сообщил, что с мая 2015 года США начинают детальные консультации с Китаем о возможности координации действий в Центральной Азии и Афганистане⁶.

В середине мая 2015 года Р.Хоугланд в сопровождении делегации из десяти человек, профессиональный состав которой позволял вести детальные консультации по центральноазиатской проблематике, действительно посетил Пекин, где 13 мая провел консультации в МИД с и. о. директора Департамента Евразии и в Государственном комитете по развитию и реформе (ГКРР, собственно, и курирует практическую работу по реализации китайского ЭПШП) с инспектором Департамента западных районов Оу Сяоли. Уровень, на котором принимали делегацию Р.Хоугланда в Пекине, невысокий (возможно, даже намеренно невысокий), и контакты на этом уровне не могли закончиться какими-то договоренностями или «сделками», а были именно консультациями. Но даже с учетом этого трудно объяснить то, что китайская и американская стороны хранят практически полное молчание по поводу прошедших консультаций. Единственное упоминание о них появилось на сайте ГКРР⁷.

Ни китайский МИД, ни американский Госдепартамент не удостоили прошедшие консультации не только комментариями, но даже информационными сообщениями на сайтах своих ведомств. Невысокий уровень прошедших консультаций компенсируется тем, что сами по себе они являются нерядовым и новым явлением. Из сообщения ГКРР следует, что американская делегация на встрече обозначила общие черты между НШП и ЭПШП, охарактеризовав эти проекты как взаимодополняющие, и предложила развивать диалог о сотрудничестве. Китайская сторона в ответ рассказала об ЭПШП и заявила, что этот проект не противоречит американским интересам в регионе Центральной Азии, является открытым, поэтому взаимовыгодное сотрудничество с США возможно.

На экспертном уровне в США в этом году активно предлагаются и обсуждаются варианты координации в реализации американского НШП и китайского ЭПШП.

Трудно объяснить проделанный американскими официальными лицами и экспертами путь (от опасений по поводу китайской угрозы - через умеренный позитивизм в отношении ЭПШП сразу после выдвижения этого проекта - к полной, хотя и не безусловной, поддержке китайской политики в Центральной Азии) только лишь тем, что США вынуждены смириться с расширяющимся присутствием Китая в регионе.

На фоне того, что Вашингтон в последние годы упорно блокировал китайскую активность в Азии, на пакистанском и особенно центральноазиатском направлениях он сформировал курс на поддержку китайской политики. В стратегии регионального сдерживания Китая, в кольце его «стратегического окружения», появилась четко обозначенная брешь, причем сделанная скорее намеренно, нежели вынужденно.

Отметим, что для тех, кто вовлечен в практическую политику в Центрально-Азиатском регионе, события могут выглядеть таким образом, что на самом деле никаких изменений в американской политике нет и Вашингтон по-прежнему нацелен на противодействие распространению китайского влияния в Центральной Азии. В самом регионе действительно на практическом уровне можно заметить, мягко говоря, более сдержанное отношение к Китаю со стороны американских дипломатов, чем в речах высокопоставленных фигур Госдепартамента в Вашингтоне.

Разница между тем, что говорят в Вашингтоне, и тем, что думают, а иногда и говорят работающие в регионе американцы, заметна для многих. Эту разницу иногда объясняют разрывом в декларативной и реальной политике США, который можно трактовать узко - как тактическое расхождение между «словами» и «делами» (не такое уж редкое явление в дипломатии) или более широко - как наличие «второго дна» или тайной региональной политики.

В самом Вашингтоне также признают, хотя и неохотно, наличие некоторого «разъединения» (по-английски обозначая это как «disconnect») между Вашингтоном и практиками на местах, предлагая, впрочем, только одно объяснение его наличия - недостаток дисциплины. Такое объяснение явно убедит не всех, к тому же оно совсем не отрицает разницу в подходах «центра» и «на местах». Но даже с учетом наличия такого «разъединения» на разных уровнях американской политики нельзя игнорировать ту эволюцию, которую прошел официальный и экспертный Вашингтон в оценке политики Китая в Центральной Азии.

В настоящее время автор хотел бы ограничиться в основном констатацией центральноазиатской брешы в американской политике регионального сдерживания Китая и предположением, что сделана она сознательно. Впрочем, совсем воздержаться от рассуждений на этот счет трудно. Оценки наметившихся перспектив регионального сотрудничества США и Китая в Центральной Азии могут быть разными как в объективно содержательной, так и субъективно оценочной частях. Можно спорить даже о причинах и мотивах, по которым США и Китай прощупывают возможности для такого регионального взаимодействия.

Нельзя полностью отбрасывать наиболее простую версию - США делают «хорошую мину при плохой игре»: они вынужденно, а не по стратегическим соображениям, принимают расширение влияния Китая в Центральной Азии. И тогда хронологическую последовательность событий (июнь 2013 г. - визит Си Цзиньпина в США, сентябрь 2013 г. - инициатива ЭПШП, последующая сдержанно положительная реакция на нее США и дальнейшая эволюция американской позиции в сторону все более позитивных оценок) можно трактовать как цепь уступок со стороны США. Однако полностью полагаться только на такую простую версию все же нельзя. Необходимо признать, что на наиболее интересном для Пекина азиатско-тихоокеанском направлении США продемонстрировали в ходе кризисных ситуаций последних лет готовность и способность сдерживать Китай. Значит, США «отстают» перед КНР не на всех «фронтах», а, как минимум, могут определять и географию и темпы этого процесса, что уже не вполне укладывается в наиболее простую версию.

Можно трактовать изменения в американской политике и китайско-американский диалог по Центральной Азии, если он действительно получит развитие, как пробный проект «совместного управления», некую региональную «Большую двойку» с китайской спецификой (или, образно говоря, пока «малую двойку»). В китайских дискуссиях последних лет, как уже было сказано, линия в пользу регионального китайско-американского взаимодействия явно присутствовала. Китайские эксперты рассуждали прежде всего о целесообразности этого в АТР. Но, возможно, в ходе китайско-американских контактов стало понятно, что США предпочитают опробовать новую модель отношений сначала в Центральной Азии (может быть, еще и с дополнительной нагрузкой для Китая в виде увеличения его помощи Афганистану). И тогда обозначенную ранее хронологию событий можно трактовать уже как согласование или хотя

бы прощупывание интересов друг друга, в ходе которого стороны нашли понимание.

Логично выглядит предположение, что та или иная степень вынужденности в действиях США присутствует. Однако они могли увидеть для себя перспективы в региональном сотрудничестве с Китаем именно на центральноазиатском направлении по каким-то из (или по совокупности каких-то из) следующих соображений.

1. США провалили два своих больших проекта для Центральной Азии - соединить регион с Европой через Кавказ и соединить регион с Южной Азией через Афганистан. Поэтому теперь США готовы поддержать любой чужой региональный проект, который отводит им там существенную роль. Поскольку российские проекты региональной интеграции такой роли для США не предусматривали⁸, то делается ставка на китайский проект.

2. США ожидают роста противоречий между Россией и Китаем при активизации последнего в Центральной Азии, то есть США надеются «столкнуть лбами» Россию и КНР в регионе, оставляя себе роль арбитра и защитника интересов самих стран региона.

3. При историческом взгляде можно увидеть параллели с тем, что происходило 100 лет назад. Возвышающаяся азиатская держава решает, в каком направлении ей расширять свое влияние - в океан или в глубь континента. Историческая память подсказывает США, главной морской державе XX и начала XXI века, что лучше направить активность азиатской державы в глубь континента. Другой опыт уже есть, и он для США резко отрицательный.

4. При осуществлении активной политики внутри евразийского континента Китай с его амбициозными проектами сухопутных путей на Ближний Восток и в Европу может втянуться во множество кризисов, которые будут отвлекать его ресурсы. В конечном счете такая активность может оказаться для Китая тяжким грузом, а не источником ресурсов и силы. В рамках этой логики можно обратить внимание на то, что на всех направлениях - на Ближнем Востоке и в Европе, куда Китай собирается тянуть свою транспортную инфраструктуру, - разгораются кризисы. Таким образом, США как бы заманивают КНР в ловушку.

Обозначенные направления рассуждений в некоторых точках пересекаются и могут быть синтезированы. Однако вне зависимости от того, как именно объяснять наблюдающееся движение Китая и США к региональному взаимодействию в Центральной Азии, представля-

ется, что это может иметь серьезные последствия для региона. США предлагают Китаю согласовать их региональные интересы и при успешности этого процесса готовы, по всей видимости, поддержать амбициозные проекты Пекина в Евразии.

С позиций автора настоящей статьи, ситуация выглядит многовариантной, потому что, во-первых, Пекин не обязательно отвергнет американские предложения по координации усилий в Центральной Азии, а, во-вторых, Вашингтон не обязательно откажется от позитивного отношения к китайским проектам, даже если Пекин все-таки отвергнет американские предложения о сотрудничестве.

Возможен широкий спектр вариантов, где крайними опциями выступают полный провал попыток согласования интересов США и Китая в Центральной Азии и, наоборот, их полный успех. Эти крайние опции как раз менее вероятны. Более вероятны промежуточные варианты. США будут предпринимать постоянные попытки втянуть Китай в некий региональный диалог, и последний по разным причинам (в том числе и с учетом пожеланий самих стран региона Центральной Азии) не будет от него уклоняться.

При этом Вашингтон и Пекин будут по-разному позиционировать свое сотрудничество в Центральной Азии. США будут представлять дело таким образом, что Китай якобы согласен играть по неким согласованным правилам в регионе и в рамках такого согласования США принимают расширение китайского влияния в регионе. А Китай, в свою очередь, будет представлять дело таким образом, что он на центральноазиатском направлении прорвал «стратегическое окружение» и США вынуждены согласиться с его растущим влиянием в регионе.

Однако при таком разном позиционировании политический диалог между США и Китаем по делам Центральной Азии может тем не менее идти. И его поворотной точкой станет момент, когда проявятся базовые позиции США и Китая по следующему вопросу.

Из тех дискуссий, которые шли в Китае по поводу «совместного управления» («Большой двойки») с США, понятно, что главный вопрос для КНР - АТР (так же как и для США). И в этой связи при любой интерпретации наметившегося диалога между Китаем и США по Центральной Азии ключевым моментом является сама возможность его расширения на АТР. Не исключено, что США, особенно при смене администрации, будут стараться максимально оттянуть момент, когда они открыто принимают расширение китайского влияния не только в Центральной Азии, но и в АТР. При этом обязательным условием тако-

го шага со стороны США может стать принятие Китаем согласованных правил «совместного управления», от чего ранее Китай уклонялся.

Но вне зависимости от того, что думают в администрации Б.Обамы (а по этому поводу тоже могут быть разные мнения), нельзя считать окончательно решенным вопрос о том, как именно США собираются использовать в будущем диалог с Китаем по Центральной Азии - как первый шаг к «Большой двойке», или как модель отношений с Китаем только в Центрально-Азиатском регионе, или вообще как проект стратегической переориентации Китая от АТР в глубь Евразии. При смене администраций может быть выбран любой из этих вариантов или даже предложены новые.

¹Подробнее о внешней политике КНР см.: *Денисов И.Е.* Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // *Международная жизнь*. 2015. №5. С. 1-15.

²Подробнее о китайских дискуссиях по поводу «Большой двойки» см.: *Денисов И.Е.* Эволюция фактора Тайваня в отношениях между КНР и США в среднесрочной перспективе (военно-политический и экономический аспекты) // *Ежегодник ИМИ*. Выпуск 3-4 (5-6). 2013. С. 190-192.

³Подробнее см.: *Лукин А.В.* Идея «Экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // *Международная жизнь*. 2014. №7. С. 84-98.

⁴*Blinken Antony J.* An Enduring Vision for Central Asia. Brookings Institute. Washington, DC. 2015. March 31 // <http://www.state.gov/s/d/2015/240013.htm>

⁵Подробнее см.: *Сафранчук И.А.* Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // *Международная жизнь*. 2013. №7. С. 43-53.

⁶*Hoagland Richard E.* Central Asia: What's Next? Georgetown University. Washington, DC. 2015. March 30 // <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2015/240014.htm>

⁷http://xbkfs.ndrc.gov.cn/gzdt/201505/t20150514_691816.html

⁸*Сафранчук И.А.* Конкуренция за безопасность в Центральной Азии // *Россия в глобальной политике*. 2007. №6. С. 112-121; *Сафранчук И.* Глобализация в головах. Центральная Азия и евразийская интеграция // *Россия в глобальной политике*. 2015. Т. 13. №1. С. 120-126.

Ключевые слова: Центральная Азия, «Новый шелковый путь», инициатива «Экономический пояс Шелкового пути», США и Китай в Центральной Азии.